

## Введение в чтение Батлер



В постсоветской философии 2018 год вполне можно назвать годом Джудит Батлер: если за предыдущие десятилетия Батлер была представлена в основном статьями в различных феминистских антологиях и хрестоматиях, то в этом году было опубликовано сразу несколько её важных книг – в одном из ведущих российских издательств философской литературы Ad Marginem, традиционно дистанцирующемся от публикации авторов, имеющих отношение к феминистской и гендерной теории, вышла последняя книга Батлер *Notes Toward a Performative Theory of Assembly* (2015) (в русском переводе – *Заметки к перформативной теории собрания*), в Украине издали *Frames of War: When Is Life Grievable?* (2010) (в украинском переводе – *Фрейми війни: Чиї життя оплакують?*) – одну из ключевых работ для её политической философии, а в издательстве Алетейя переиздали книгу *Психика власти: теории субъекции* (1997). Наконец, в Алетейе вышла первая в постсоветских странах монография, специально посвященная философии Батлер – книга **Война и мир Джудит Батлер** Ирины и Сергея Жеребкиных<sup>1</sup>.

Трудно сказать, что в результате этих публикаций в нашем научном сообществе уже состоялось продуктивное публичное обсуждение и анализ философии Батлер. Характерный пример – презентация книги *Заметки к перформативной теории собрания* в феврале 2018 года<sup>2</sup>, в ходе которой не были обозначены ни основные проблематизации книги, ни ее контекст, ни методология, ни связь с предыдущими работами Батлер, однако ведущие презентации отметили, что ожидали от обсуждаемой книги чего-то «более нового и радикального» и что Батлер, у которой «нет собственной политической философии», несколько разочаровала их своими попытками «примирить различные теории» (см. выступление ведущей Марины Симаковой). А переводчик книги философ Дмитрий Кралечкин отметил, что концепция публичного пространства Батлер неприменима к современному городскому публичному пространству, например, к пространству московского метро.

Напрашивается вопрос: зачем тогда переводили и издавали книгу? И действительно ли нам сегодня так необходима философия Батлер, или нам комфортнее обойтись без её «недостаточно применимых» к нашей ситуации философских понятий, «слишком запутанного» языка и «недостаточно радикального» феминизма?

В этой ситуации книга Ирины и Сергея Жеребкиных может быть полезной, с одной стороны, как попытка в доступной широкой читательской аудитории форме прояснить основные идеи и понятия философии Батлер, а также рассмотреть её теоретические истоки и предпосылки. Задача книги, как сформулировано в предисловии «Джудит Батлер как зеркало нашего капитализма», – представить Батлер не только как квир-теоретика и феминистского теоретика, а как современного «политического философа, ищущего политические решения в условиях новой, по её мнению, онтологии социального – онтологии войн» (с. 7). С другой стороны, книгу отличает фокус на иронию и провокативность всех теоретических понятий Батлер, часто ускользающую от внимания исследователей её философии, что обрекает на неудачу попытку буквального прочтения её текстов или их редукцию к идее квир-перформативности<sup>3</sup>. Авторы специально подчеркивают, что понятие пародии Батлер вполне созвучно тыняновскому, когда «пародия функционирует не просто как прием комизации, но как способ жизни старых дискурсивных форм в условиях нового политического бессознательного» (с. 9).

Стремясь подчеркнуть момент пародийной деконструкции Батлер классических философских понятий, авторы строят структуру книги, исходя из традиционных философских тематизаций, восходящих к тематизациям докантовской западной метафизики нового времени, которые Батлер деконструирует в своей особой манере – смещающего перформативного повторения. В результате, как отмечают авторы, «традиционные понятия философии в ее логике утрачивают односторонний характер стабильности характеристик «истинности», «научности», «знания» и начинают передавать характеристики «нестабильности», «ненадежности», «необладания», что подчеркивается стилем философского письма Батлер, «виртуозно соединяющем пафос и иронию» (с. 10).

В этом контексте, в отличие от многих известных работ о Батлер (например, Сары Салих)<sup>4</sup>,

книга Ирины и Сергея Жеребкиных начинается не с анализа её концепции субъекта, а с анализа онтологии. В первой главе «Онтология, или как «идея мира» может замещаться «идеей войны» в современной философии» показано, что Батлер предлагает проект новой социальной онтологии – «онтологии прекарности», отвергающей логику деления субъектов на более признаваемых и менее признаваемых, более уязвимых/хрупких и менее уязвимых/хрупких, которую Батлер характеризует как онтологию двойственного – например, двойственного измерения перформативности, когда «мы неизбежно являемся подвергающимися воздействию и действующими» (с. 13). С данным типом социальной онтологии, который Батлер также называет отношенческим или реляционным, соотносится неметафизическая, или хиазматическая космология, организованная как космология хиазма, сплетения, которая дистанцируется не только от телеологической космологии (Платон), но и от традиционной феминистской точки зрения на тело, где тело противопоставляется духу (с. 24-25). В этом контексте позиция Батлер ближе феминистской трактовке тела и письма Люс Иригарей, отвергающей традиционную для феминистской теории редукцию женского к телесному. Но главное качество этой реляционной онтологии двойственного – это то, что она оспаривает основные ценности индивидуализма – ценности самосохранения и самозащиты, являющиеся инструментами так называемой секьюритарной мобилизации, использующей ловушку «бытия под угрозой», которую современные неолиберальные режимы используют в целях легитимации государственного насилия. В примере Батлер – это случай массовой паники в США после 11 сентября 2001 г., когда все население страны, включая феминизм как дискурс и активизм, оказалось мобилизовано призывом секьюритарной мобилизации, чтобы стать «строевыми солдатами» армии Буша в объявленной им тотальной войне с терроризмом ради самозащиты и сохранения американской нации (с. 31-32).

Основные вопросы, рассматриваемые в этой главе: как современная социальная онтология функционирует как онтология двойственного? На какой социальной онтологии базируются новый, «освободительный» фашизм и как с ним связаны практики секьюритарной мобилизации? С чем связана возможность альтернативной мобилизации («коллективного политического действия» и солидарности («транснациональные формы протеста, противостоящие ксенофобному национализму»)? Какое влияние на концепцию онтологии двойственного Батлер оказало её чтение Гегеля, Кьеркегора, Спинозы? Как связаны онтология двойственного Батлер и космология хиазма? Каковы онтологические основания феминистских стратегий пародии и мимесиса философских текстов? Как традиционное феминистское понятие фемининного монополизирует сферу исключенных и может выступить ресурсом секьюритарной мобилизации?

В поисках ответа на вопрос, имеется ли у Батлер политическая философия и что она собой представляет, читатель может обратиться ко второй главе книги Ирины и Сергея Жеребкиных «Политика, или является ли «народ» тем, кто выражает «народную волю». В этой главе авторы выдвигают тезис, что политическая философия Батлер также формулируется в терминах онтологии двойственного: отношения власти понимаются как неразрывность отношений тела, материальности и одновременно сигнификации (с. 33) или дискурса и аффекта, в терминах Лаклау и Муфф, с которыми Батлер разделяет подход к

сфере политического как «аффективного измерения». Основным текстом, анализируемым в этой главе, является книга Заметки к перформативной теории собрания, в которой Батлер исследует парадоксальность и двойственность народного суверенитета на материале массовых народных собраний, которые она интерпретирует как феномен телесной перформативности, не ограничивающей, в отличие от лингвистической перформативности, сферу политического репрезентацией в языке (с. 35). Парадоксальный тезис Батлер в этой книге: особенность телесной перформативности в том, что она может реализовывать измерение политического даже при отсутствии вербальных политических высказываний и требований. Поэтому тела на улицах («тела политики» в терминах Батлер), даже если они лишены правовой и политической защиты, не могут быть редуцированы к агамбеновской «голой жизни». Диагноз Батлер современной политической жизни как всегда амбивалентный: да, народные собрания как предположительная форма народного суверенитета являются преходящими, формируются и распадаются неожиданно, но одновременно и правительства, которые возникают и исчезают благодаря совместным действиям народа, также обнаруживают себя в качестве преходящих, так как когда они лишаются народной поддержки, они сами нуждаются в легитимации народным суверенитетом (с. 40-41); да, современные политические неолиберальные режимы мобилизуют прекарное население (в том числе прогрессивные, например, феминистские политики) для легитимации государственного насилия и ведения войн, редуцируя народ к состоянию ксенофобной толпы, но в то же время возможны и альтернативные мобилизация и солидарность – не только реакционная, фашистская, направленная против этнических меньшинств, но как форма солидарности против власти и государственного насилия. Однако для того чтобы реализовать эту возможность и для того чтобы претендовать на статус народного суверенитета, телам недостаточно просто находиться на улице, прогуливаясь, не подвергая себя сознательно угрозе полицейского и военного насилия: они должны жить и дышать в ситуации риска, чтобы их жизнь становилась формой политического сопротивления (с. 51).

Основные вопросы этой главы: в чем отличие народного от государственного суверенитета? Можно ли объявить себя народом без того, чтобы не поставить принципы демократического правления под вопрос? Почему политическая форма демократии и народный суверенитет – не одно и то же? Могут ли публичные собрания воплощать измерение политического и форму народной воли? В чём состоит основная ловушка современных стратегий государственного насилия? Могут ли стратегии анархизма противостоять государственному насилию? Как связаны прекарность человеческого существования и прекарность политических институций?

Глава третья «Этика, или можно ли жить нравственно, проживая безнравственную жизнь» посвящена проекту реляционной этики («этики сожительства» в терминах Арендт) или «этики под напряжением», который также формулируется Батлер в терминах онтологии двойственного: под этикой под напряжением Батлер понимает совокупность подходов к этике, «которые уважают желание без того, чтобы прийти к эгоманиакальной защите своего собственного желания» (с. 68). Соответственно, проблему этики Батлер формулирует как «дилемму Сократа», в терминах которой этический выбор – это выбор между 1) желанием

жить и 2) желанием жить хорошо или прожить хорошую жизнь (под понятием «хорошо» она понимает «жить нравственно», как это понимал и Сократ) (с. 52). Совместимы ли эти два человеческих желания, или этическая позиция предполагает, что субъект должен совершить нравственный выбор в пользу последней, ограничив тем самым свое естественное желание жить и выживать – ключевой вопрос этики в формулировке Батлер, в зависимости от ответа на который философы делятся на два противоположных лагеря – «этических оптимистов» и «этических пессимистов».

Решающее значение для понимания этического выбора Батлер имеет то, что он осуществляется субъектом не в топологиях отдельности насилия и ненасиления, а в ситуации их симбиотической связи – как одновременно 1) аффект желания осуществить насилие по отношению к другому и 2) действие оборачивания субъекта против своего собственного насилия. Ненасилие в этом контексте понимается как «вязкая борьба» субъекта с самим собой, а насилие – как возможность этой борьбы и условие, без которого этическое вообще не может состояться (с. 60-61). Перед субъектом, стремящимся совершить этический выбор, неизбежно встает, как считает Батлер, ряд мучительных вопросов: возможно ли желание жить как этическое? Является ли неизбежным следствием желания жить агрессия? Может ли суицидальное действие быть средством достижения этического? Как возникает симбиотическая связь насилия и ненасиления? Как практиковать ненасилие как «вязкую борьбу» субъекта с самим собой? Возможен ли этический национализм? Как возникает эффект монструозности этического выбора? Почему нельзя отделять этическое от политического и какой должна быть этическая позиция критического интеллектуала? Как избежать ловушки «морального садизма»?

В четвертой главе «Эстетика, или о возможности чувствительной демократии» авторы уточняют, что задача Батлер – не создание теории эстетики, а концептуализация художественных практик как практик отнюдь не либеральной демократии (предлагающей только на первый взгляд альтернативные эстетические матрицы), а практик радикальной демократии, в качестве которых Батлер рассматривает творчество представителей «малой литературы» (Кафка как выразитель «негативного мессианизма» и «поэтики неприбытия») и непрофессиональное искусство (поэзия заключенных в Гуантанамо, пение участников массовых народных собраний и др.). Поэтому, как считают авторы, мы можем проследить у Батлер эстетический аспект перформативности, близкий теории риторических оснований общества Лаклау и Муфф, в которой эстетическое понимается не по критерию незаинтересованного суждения вкуса, как в традиционной эстетике, а по критерию возможности мобилизации аффективного измерения для артикуляции и одновременно дезартикуляции существующей политической гегемонии, т.е. для осуществления художественных практик как практик трансформизма и ресурса радикальной демократии (с. 91-92). Основные вопросы этой главы: как художественные практики могут выступать ресурсом стратегий радикальной демократии? Почему перформативность не может быть редуцирована к идее свободного творческого перформанса? Как избежать художественного консьюмеризма? Чем поэзия опасна для тирании и почему стихи заключенных из Гуантанамо представляют угрозу для Пентагона? Почему американское правительство запрещает пение

американского гимна на испанском языке? В чем эстетическое значение движений Оссиру и Тахрир? Что такое радикальное равенство в философии и как современное искусство может противостоять дифференцированному отношению к хрупкости человеческих жизней?

Глава пятая «Психология, или о хрупкости психики власти» показывает, что Батлер размышляет о психике в терминах одновременно теории регуляции психического в психоанализе и в теории субъективации Мишеля Фуко, в которой подчинение выступает центральным моментом в становлении субъектом. В то же время, определяя психику не через понятие бессознательного, а через понятие психэ, Батлер стремится дистанцироваться, с одной стороны, от фрейдовского психоанализа, разделяющего, по её мнению, механизмы психической и социальной регуляции, а с другой стороны, от концепции власти Фуко, которая, по её мнению, не учитывает интимные механизмы подчинения и фактически редуцирует психэ к социальному. С этой целью в книге *Психика власти: теории субъекции* (1997) она разрабатывает специальную теорию психики власти, в которой субъективация понимается как парадоксальный эффект режима власти, когда сами условия существования субъекта и возможность продолжения его социально признаваемого бытия требуют формирования и поддержания субъекта в подчинении. В то же время основной вопрос теории психики власти Батлер – это вопрос о возможностях эмансипаторных действий субъекта в ситуации психики власти как теории подчинения (с. 133-134). В этой главе исследуются вопросы: как функционирует «психика власти» и как формируется «страстная привязанность» субъекта к подчинению? Как психика власти функционирует в стратегиях постколониальности и могут ли они быть эмансипаторными? Как обнаружить уязвимость и хрупкость психики власти и чем может быть полезен для этого опыт софокловской Антигоны? В чем заключается этический жест Антигоны в чем состоял её сговор с Исменой? Что такое «меланхолический гендер»? Какая адресация является неинтерпеллирующей?

В шестой, заключительной главе «Теология, или о ловушках националистической коммерциализации», авторы формулируют тезис о том, что обращение к теологии возникает у Батлер в контексте вопросов об этике и политике одновременно, а также в контексте её увлеченности еврейской философской традицией, послужившей когда-то для неё толчком для пробуждения любви к философии (её юношеское увлечение витализмом и учением о страстях Спинозы и интерпретацией иудейской традиции Кьеркегором). В то же время философская позиция в отношении религии Батлер предполагает постановку вопроса о возможности такой версии теологии, которая содействовала бы практикам жизни в мире социальной плюральности и взаимодействия на основе различных национальных, религиозных и культурных традиций (с. 133-134). Основные анализируемые в этой главе вопросы: может ли теологическая традиция вывести по ту сторону теории и практики национализма? Как теология помогает мыслить ситуацию сожительства? Можно ли использовать заповедь как стратегию неоднозначности интерпелляции? Почему дискурс теологии должен пребывать в перманентном кризисе? В чем специфика еврейства как субъект-формации «необладания» и что означает, по версии Батлер, «быть евреем»? Возможно ли противостоять геноцидным политикам с помощью стратегий «негативного мессианизма»? Как мыслить историю угнетенных в терминах «поэтики неприбытия» Кафки, и

как Кафка превратился в новый «золотой стандарт» капиталистического рынка? Как становится возможной коммерциализация мессианского теологического измерения в условиях современного капитализма?



Актуальны ли эти вопросы для нашего постсоветского социо-политического контекста сегодня? По мнению авторов книги, мы можем дать утвердительный ответ на этот вопрос, поскольку, по их мнению, несмотря на то что «Батлер критикует свое правительство, свой национализм, свою религию, [...] в политических стратегиях, которые она анализирует, легко узнаваемы наши постсоветские, с которыми мы сталкиваемся в своем собственном политическом, экономическом и культурном контексте» (с. 9). Ведь, по словам авторов, в современной постсоветской диспозиции власти – так же, как и в западной, эффективно осуществляется мобилизация различных «прогрессивных» субъективностей (в том числе феминистских, ЛГБТК, антиклерикальных), солидаризирующихся против так называемых непрогрессивных (гастарбайтеров, «ватников», «совков», проституток или беженцев из Донбасса, воспринимаемых как уже рожденных террористами) во имя ложной концепции свободы (например, свободы от ИГИЛ или от культуры так называемых ватников как недолудей), легитимируя и рационализируя политики глобальной гражданской войны. В результате, как показывает Батлер, возникает новый тип капиталистической эксплуатации – жизни, которые являются «не совсем жизнями» и поэтому воспринимаются как «нехрупкие» и «негорестные», предназначение которых – сохранить и защитить «хрупкие» жизни «прогрессивных субъективностей» (с. 9-10).

И тем не менее, философский диагноз, который ставит Батлер современности, не может быть воспринят как однозначно пессимистический. Причина, возможно, в особом стиле Батлер, сочетающем, как было отмечено, пафос и иронию одновременно. В процессе чтения книги Ирины и Сергея Жеребкиных становится понятно, чего нет в философии Батлер и чего не следует от неё ждать: проповеди, морализаторства, компромисса, назидательности, провокативности теоретических разработок и понятий. Ирония Батлер вдохновляет и становится перформативной демонстрацией того, что в философии как критической теории присутствует возможность опережать и дезориентировать политики власти, какими бы гибкими и эффективными они ни были. Поэтому главный урок Батлер, по словам авторов книги, заключается в том, что «сколь бы паралаксной ни была практика современной власти, оперирующей на уровне онтологии войн, критическая мысль может работать на таком уровне невозможного, который недоступен даже паралаксным ловушкам современного капиталистического насилия» (с. 10).

По своему стилю книга **Война и мир Джудит Батлер** также исполнена в форме перформативного повторения, в каком-то смысле пародируемого текста Батлер и подчеркивающего, что это прочтение является экспериментальным введением в чтение Батлер, предлагающим начало дальнейшего непредсказуемого обсуждения. Ведь можно прочесть её и по-другому – Батлер дает и такую возможность.

- 
1. «Война и мир Джудит Батлер». Ирина Жеребкина, Сергей Жеребкин. Спб.: Алетейя, 2018, 157 с.
  2. [Презентация книги](#) Джудит Батлер «Заметки к перформативной теории собрания» 13.02.2018
  3. Известным примером такого прочтения является также недавно переведенная на русский язык статья Марты Нуссбаум «[Профессор пародии](#)» 1999 г., написанная в жанре позитивистской атаки, представляющей, по словам Миглены Николчиной, «перформативную демонстрацию того, что критика может осуществляться как отказ от усилия понимания». (Миглена Николчина. Значение и матерубийство. Традиция матерей в свете Юлии Кристевой (М.: Идея-Пресс, 2003), с. 35-36.)
  4. См. Sara Salih. Judith Butler (Routledge Critical Thinkers) (New York: Routledge 2002), The Judith Butler Reader. Ed by Sara Salih and Judith Butler (Wiley-Blackwell, 2003).